

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Из курса христианского Нравственного Богословия

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 10. С. 1190-1205.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Изъ курса христіанскаго Нравственнаго Богословія *).

IV.

С о в ѣ с т ь.

ВЫРАЗИТЕЛЬНИЦЕЙ и какъ бы средой преломленія лучей нравственнаго закона въ душѣ человѣка служить совѣсть. Совѣсть не есть что-либо отличное отъ нравственнаго закона по существу. Она является тѣмъ же нравственнымъ закономъ, но только разсматриваемымъ не съ этической, а съ психологической точки зрѣнія. Нравственный законъ мыслится нами какъ какая-то объективная норма, могущая существовать внѣ ея отношенія къ той или иной человѣческой личности. Наоборотъ, совѣсть есть явленіе болѣе конкретное, есть индивидуальная принадлежность живой души человѣческой и внѣ ея существовать не можетъ. Кромѣ того, въ понятіи совѣсти на первый планъ выдвигается эмоциональный моментъ, а въ понятіи закона волевой и интеллектуальный.

Самое слово «совѣсть» (греч. συνείδησις, лат. constientia, франц. conscience, нѣмец. gewissen—отъ глаголовъ *oïda*, *scio* и *vissen*) во всѣхъ языкахъ слагается изъ приставки *co*, указывающей на совмѣстность дѣйствія, и корня отъ глагола, обозначающаго понятіе знанія. Приставка указываетъ или на тотъ фактъ, что явленія совѣсти въ большей или меньшей степени переживаются человѣкомъ совмѣстно съ другими людьми, что каждый при одинаковыхъ условіяхъ испытываетъ аналогичныя состоянія или же на тотъ, что совѣсть есть совмѣстное созна-

*) Окончаніе см. июль-августъ.

ніе нѣсколькихъ психическихъ актовъ,—совпадающихъ въ одномъ душевномъ процессѣ. Два приведенныхъ объясненія не исключаютъ другъ друга и могутъ быть приняты одновременно. Въ такомъ случаѣ подъ словомъ «совѣсть», на основаніи филологическаго анализа этого термина, нужно будетъ понимать сознаніе, присущее всѣмъ людямъ и включающее въ себя нѣсколько моментовъ, опредѣленіе которыхъ дается уже анализомъ человѣческой природы. Анализъ этотъ вскрываетъ въ явленіяхъ, именуемыхъ совѣстью, слѣдующія стороны: 1) сознаніе добра и зла въ связи съ мыслью о необходимости первому слѣдовать, а второму избѣгать; 2) оцѣнку своей личности и своего поведенія съ точки зрѣнія нравственнаго идеала; 3) возникающее вслѣдствіе этого пріятное или непріятное чувство.

Намекъ на всѣ указанные элементы совѣсти: теоретическій, волевой и эмоціональный дается въ Словѣ Божіемъ. Какъ только первые люди согрѣшили, нарушивъ заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, они тотчасъ же *сознали* свою нечистоту предъ Богомъ и *почувствовали* стыдъ и страхъ (Быт. 3, 7—10). О послѣднемъ же говоритъ біблія, повѣствуя о братоубійствѣ, совершенномъ Каиномъ. «Ваша вина моя, еже оставится ми—сознается онъ, и чувствуя, что достоинъ тяжкаго наказанія, трепещетъ смерти отъ руки всякаго встрѣтившагося съ нимъ (Быт. 4, 14—15). Вину свою чувствовали и братья Іосифа, когда, по поводу задержки въ Египтѣ Симеона, говорили другъ другу: «точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего (котораго они продали); мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигаетъ насъ горе сіе (Быт. 42, 21—22). Когда Давидъ отрѣзалъ край одежды у Саула, встрѣтившись съ нимъ въ одной пещерѣ, то «больно стало сердцу» его (1 Царств. 24, 6), а когда сосчиталъ народъ свой, то оно «вздрогнуло» и заставило его сознаться: «Тяжко согрѣшилъ я, поступивъ такъ, и нынѣ молю Тя, Господи, прости грѣхъ раба Твоего, ибо крайне неразумно поступилъ я» (2 Царств. 24, 10). «Согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную—свидѣтельствуешь Іуда, возвращая сребренники первосвященникамъ, и затѣмъ лишаетъ себя жизни, не будучи въ состояніи вынести адскихъ терзаній совѣсти своей въ душѣ (Мѡ. 27, 45). О судящей дѣятельности совѣсти, сопутствуемой мыслями, то обвиняющими, то оправдывающими одна другую,—говоритъ и

апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ; «языцы, не имуще закона, естествомъ законная творять, сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослужествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣчающимъ» (2, 14—15). Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ св. писанія изображается преимущественно судящая и мздовоздающая дѣятельность совѣсти. Сравнительно рѣже говорится объ ея обязывающемъ или понуждающемъ голосѣ, о томъ ея моментѣ, который мы назвали волевымъ. Но все же и на него есть намеки у священныхъ писателей. Такъ напримѣръ, Іисусъ Навинъ, посланный Моисеемъ въ качествѣ соглядатая въ обѣтованную землю, вопреки показаніямъ другихъ соглядатаевъ, пересказалъ то, что «было у него на сердцѣ», т. е. поступилъ такъ, какъ обязывала его совѣсть. Точно также пророкъ Іеремія говоритъ о себѣ, что, когда онъ, вслѣдствіе испытываемыхъ имъ за проповѣдь обидныхъ насмѣшекъ, хотѣлъ оставить эту проповѣдь, то почувствовалъ въ сердцѣ своемъ «какъ бы горящій огонь» и сталъ съ нимъ бороться, но «истомился удерживая его». Къ обязывающей же дѣятельности совѣсти относится, очевидно, и выраженіе св. писанія: «тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть» (Римл. 13, 5).

Составляетъ ли совѣсть неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка во всѣ моменты его жизни или же нѣтъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить такъ. Совѣсть врождена всѣмъ людямъ безъ изъятія, являясь въ ихъ душѣ какъ бы голосомъ Верховной Правды, голосомъ Самого Бога. Но иногда въ сознаніе человѣка лучи нравственнаго закона угасаютъ, наполняя его душу холодомъ и мракомъ, при которыхъ она становится неспособною къ воспріятію красоты добра и безобразія порока. Совѣсть такихъ людей какъ бы перегораеть, и потому апостолъ Павелъ называетъ ее «сожженною». Это-то состояніе духовной природы человѣка, которое извѣстно подъ именемъ «смертнаго грѣха» или «нравственнаго ожесточенія», состояніе, находясь въ которомъ, онъ становится какъ бы моральнымъ трупомъ, неспособнымъ къ воспріятію истины и благодати.

Но, къ счастью, люди съ «сожженою» совѣстью встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, лишь въ качествѣ исключенія. Большею же частію даже злодѣи сохраняютъ въ глубинахъ души своей искру нравственнаго добра, которая при благо-

пріятныхъ условіяхъ можетъ разгорѣться и запылать яркимъ пламенемъ. Совѣсть въ нихъ, слѣдовательно, не умерла, а только заснула, или же еще не просыпалась. Особенно нужно сказать это о людяхъ некультурныхъ, безнравственность которыхъ часто объясняется ихъ низкимъ умственнымъ развитіемъ. Дикарь, раздробляющій о камень больное дитя свое, или другъ, которому долгъ мщенія не даетъ покоя, пока онъ не достигнетъ свою жертву, могутъ переродиться морально, если удастся просвѣтить ихъ умъ свѣтомъ истины Христовой. Мы знаемъ, что даже братоубійца Кайна и предатель Христа Іуда испытывали *муки совѣсти*. Не свободны отъ ея терзаній и трагическіе злодѣи Шекспира (этого тайновидца души человѣческой), являющіеся какъ бы олицетвореніемъ жестокости, злобы и холодного эгоизма.

Наиболѣе могущественными средствами пробужденія спящей совѣсти въ душѣ человѣка являются: 1) выясненіе ему нравственныхъ правилъ и 2) вызовъ въ немъ чувства состраданія (послѣднее въ томъ случаѣ, когда безнравственность поступка заключается въ нарушеніи обязанностей любви къ ближнимъ).

1) Чѣмъ лучше сознается нами несоотвѣтствіе нашей дѣятельности идеаламъ добра и правды, тѣмъ сильнѣе бываютъ терзанія совѣсти. Поэтому-то вѣрнѣйшимъ способомъ возбудить въ человѣкѣ раскаяніе служитъ выясненіе предъ нимъ нравственной нормы и несогласія съ нею его поведенія. Отсюда-то всякому покаянiю предшествуетъ обыкновенно проповѣдь. Проповѣдь предшествовала крещенію покаянiя Іоанна, проповѣдью Христосъ Спаситель производилъ коренной переворотъ въ душѣ своихъ слушателей. Разбойникъ, покаявшійся на крестѣ, былъ пораженъ воплощеніемъ идеала кротости, челоуколюбія и терпѣнія во Христѣ и при свѣтѣ этого идеала ясно созналъ все безобразіе своей буйной жизни. Желая возбудить въ своей матери раскаяніе, Гамлетъ напоминаетъ ей ея обязанности по отношенію къ покойному королю и выясняетъ преступность ея второго брака. Пламенное и картинное изображеніе поправленныхъ обязанностей дѣйствительно достигаетъ своей цѣли. Королева нѣсколько разъ прерываетъ Гамлета подобными словами:

„Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ; я вижу пятна;
Ихъ черныи цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть“...

И далѣе:—

„О, Гамлетъ, Гамлетъ! Ты на двое мнѣ
Сердце растерзалъ“.

2) Чувство состраданія имѣетъ тѣснѣйшую связь съ мученіями совѣсти и часто вызываетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, въ бреду младшій братъ разбойника, у Пушкина, терзается жалостью къ зарѣзанному старику, и эта жалость сливается во едино съ угрызеніями его больной, трепещущей, совѣсти:— «Всѣхъ чаще образъ старика, давно зарѣзаннаго нами, ему на мысли приходилъ. Больной, зажавъ глаза руками, за старца такъ меня молилъ: братъ! сжался, сжался надъ его слезами, не рѣжь его на старость лѣтъ... Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ, нусти его: онъ не опасенъ, въ немъ крови капли теплої нѣтъ. Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинамп, не мучь его»... Состраданіе же мы испытываемъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ярче и конкретнѣе представляемъ себѣ душевное состояніе другого человѣка. Иногда мы не сочувствуемъ чужому горю только потому, что не можемъ войти въ положеніе нашего ближняго, такъ сказать, поставить себя на его мѣсто. Если же мы сдѣлаемъ это, то какъ бы перенесемъ въ себя его страданія и волею-неволею станемъ сочувствовать имъ. Отсюда на ряду съ выясненіемъ нравственныхъ правилъ въ качествѣ средства пробужденія совѣсти, имѣетъ огромное значеніе такое дѣйствіе на умъ и воображеніе человѣка, благодаря которому онъ живо могъ бы представить себѣ картину страданій, причиненныхъ имъ другимъ людямъ. Въ такомъ случаѣ въ немъ возникнетъ состраданіе, а послѣднее можетъ вызвать раскаяніе. Такъ пророкъ Наѳанъ, чтобы возбудить въ Давидѣ сознаніе его преступности, прежде всего старается подѣйствовать на его чувство жалости. Онъ рассказываетъ ему для этого о бѣднякѣ, имѣвшемъ одну овцу, которую зарѣзалъ у него богачъ. Состраданіе къ бѣдняку заставило Давида произнести строгій судъ надъ самимъ собою.

V.

Откровенный нравственный законъ.

Кромѣ естественнаго нравственнаго закона, составляющаго врожденную принадлежность каждаго человѣка, существуетъ еще законъ положительный, откровенный, данный Богомъ людямъ въ опредѣленный историческій моментъ или непосред-

ственно, или чрезъ посредство своихъ избранниковъ (Евр. 1, 1—2). Этотъ законъ по существу не отличается отъ того, который заложенъ въ нѣдрахъ богоподобной души человѣческой. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ оба они имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, оба являются выраженіемъ воли единого Бога, Творца и Законодателя. Поэтому-то Моисей, изложивъ данные Богомъ израильскому народу законы, говорить: «заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалеко... Но весьма близко къ тебѣ слово сіе, оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ сердцѣ твоёмъ» (Втор. 30, 11 — 14). Смыслъ этихъ словъ тотъ, что заповѣди закона, написанныя на каменныхъ скрижаляхъ, начертаны въ то же время и на плотяныхъ скрижаляхъ сердца человѣческаго (Іереміи 31, 33; Римл. 8, 10), что душа наша—«по природѣ христіанка»—своею лучшею идеальною стороною исполнѣ гармонируетъ съ требованіями Божественной воли.

Но если откровенный нравственный законъ по содержанію своему не отличается отъ закона естественнаго, то для чего онъ былъ данъ человѣку?

Прежде всего для того, чтобы его нравственное развитіе происходило болѣе легко и свободно, чтобы нравственныя требованія сознавались имъ болѣе ясно и опредѣленно. Эта цѣль могла имѣть мѣсто даже до грѣхопаденія. Мы знаемъ, что Богъ являлся нашимъ прародителямъ еще въ раю и возвѣщалъ имъ свою волю. (Быт. 2, 3). Усовершенствованіе всѣхъ силъ и способностей человѣческой души происходитъ подъ воздѣйствіемъ двухъ факторовъ: внутренняго и внѣшняго. Такъ, напримѣръ, полнота религіозной жизни человѣка обуславливается наличностью внутренней потребности, коренящейся въ глубинахъ его личности, и воспріятіемъ ею Божества. Способность членораздѣльнаго языка, будучи врожденною, развивается подъ вліяніемъ общенія съ другими людьми.

То же самое нужно сказать о способности мышленія, художественнаго творчества и т. д. И подобно тому, какъ въ настоящее время для нашего умственнаго развитія въ высшей степени полезно вліяніе на насъ другихъ людей, передающихъ намъ продукты своего духовнаго опыта, такъ и на зарѣ жизни человѣка, когда онъ находился еще въ состояніи невинности, ему могло оказать несомнѣнную помощь положительное возвѣщеніе Божественной воли, санкціонирующее внутренній

голосъ его совѣсти, сообщающее ему особую авторитетность и опредѣленность.

Еще болѣе необходимымъ сдѣлался откровенный законъ для человѣка послѣ грѣхопаденія, исказившаго и затмившаго голосъ совѣсти въ его душѣ. Мы знаемъ, какъ извратилась въ человѣчествѣ, начавшемъ ходить своими путями, религиозная идея. Язычники измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногихъ и гадъ (Римл. 1, 23). Одновременно съ тѣмъ происходила деградация и въ нравственномъ отношеніи. Люди, замѣнившіе истину Божію ложью и начавшіе служить твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 25), скоро сдѣлались исполненными «всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злонаравія» (Римл. 1, 29—31) и т. п. Для *такого* человѣка, помимо врожденнаго ему естественнаго нравственнаго закона, необходимъ былъ законъ положительный, откровенный, который постоянно напоминалъ бы ему о томъ, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ, что слѣдуетъ признавать добромъ и что зломъ.

VI.

Законъ ветхозавѣтный и новозавѣтный. Взаимоотношеніе между ними.

Откровенный нравственный законъ раздѣляется на ветхозавѣтный, данный Богомъ чрезъ патріарховъ, Моисея и пророковъ, и новозавѣтный или евангельскій, возвѣщенный чрезъ Единороднаго Сына Божія Іисуса Христа. По вопросу о взаимномъ отношеніи между этими двумя законами въ Св. Писаніи Новаго Завѣта мы находимъ какъ будто бы двѣ параллельныхъ группы взаимно-противорѣчащихъ мѣстъ. Съ одной стороны Спаситель свидѣтельствуетъ: «не приідохъ разорити законъ, но исполнити (πληρῶσαι) (Мѡ. 5, 17) и признаетъ заповѣди, данныя при Синаѣ, неизмѣннымъ руководствомъ и условіемъ спасенія (Мѡ. 19, 17—19); съ другой, Онъ называетъ Себя «Господомъ и субботы» (Мѡ. 12, 8), считая какъ бы необязательнымъ для Себя и Своихъ послѣдователей исполненіе закона Моисеева. Равнымъ образомъ и у св. апостоловъ мы встрѣчаемъ одновременно ученіе о томъ, что «законъ святъ и заповѣдь его праведна и добра» (Римл. 7, 12) и категорическое утвержденіе: «мыслимъ убо вѣрою оправдитися

человѣку безъ дѣлъ закона» (Римл. 3, 28), «нѣсмы подѣ закономъ, но подѣ благодатію» (Римл. 6, 14), «о Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію поспѣшествуема» (Галат. 5, 6).

Для правильнаго пониманія всѣхъ приведенныхъ мѣстъ необходимо помнить о различіи между нравственнымъ (и догматическимъ) ветхозавѣтнымъ закономъ, съ одной стороны, и обрядовымъ съ другой. Нравственный законъ Моисеевъ цѣликомъ вошелъ въ евангеліе и сохранилъ свою обязательность для членовъ церкви Христовой. Иначе и не могло быть, разъ онъ служилъ выраженіемъ Божественной воли и заключалъ въ себѣ истину. Богъ есть существо неизмѣняемое, и признаваемое Имъ за добро въ одну эпоху не можетъ сдѣлаться зломъ въ другую. Равнымъ образомъ, истина, если она дѣйствительно является таковой, не можетъ перестать быть ею и сдѣлаться ложью. Это въ одинаковой степени приложимо какъ къ положеніямъ научнымъ: логическимъ, математическимъ, философскимъ, такъ и религіозно нравственнымъ. Наконецъ, обязательность ветхозавѣтнаго нравственнаго закона для христіанъ всегда признавала и Церковь, высоко чтившая Моисеево десятисловіе. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что и въ настоящее время дѣти христіанъ начинаютъ учиться новозавѣтной нравственности, прежде всего усваивая десять заповѣдей Синайскаго закона.

Въ иномъ положеніи находился обрядовой ветхозавѣтный законъ. Не относясь къ самому существу вѣры, онъ имѣлъ лишь временное значеніе и притомъ исключительно для еврейскаго народа. По выраженію апостола Павла, онъ былъ «сѣнью» грядущихъ благъ и «пѣстуномъ» во Христа (Галат. 3, 24). Ветхозавѣтныя жертвы, сопровождавшіяся сложнымъ ритуаломъ, имѣли прообразовательное значеніе и должны были пробуждать въ евреяхъ сознаніе необходимости крестной жертвы Христовой для спасенія всего міра. Многочисленные обряды и весь сложный богослужебный культъ преслѣдовали ту же самую задачу: они виѣдряли въ сознаніе богоизбраннаго народа идею о его безконечной виновности предъ Богомъ и о необходимости искать средствъ къ освобожденію отъ нея. Наконецъ, предписанія о соблюденіи чистоты, омовеніяхъ и очищеніяхъ, оковывая жестоковыйный младенчествующій народъ чувственною сторопою своею, имѣли въ то же время символическое значеніе, посредствомъ видимаго выясняя духовное и

невидимое. Такъ, напримѣръ, всѣ предписанія о чистой и нечистой пищѣ, о несмѣшеніи различныхъ родовъ сѣмянъ, скота, даже нитей въ одеждѣ имѣли въ виду выяснить идею разбора и разумнаго различенія, идею установленныхъ Богомъ и самою природою порядка и чистоты.

Но если ветхозавѣтный обрядовый законъ имѣлъ только прообразовательно-воспитательное значеніе былъ «сѣнью грядущихъ благъ» и «пѣстуномъ» во Христа», то, естественно, онъ долженъ былъ потерять свою обязательность въ новомъ завѣтѣ, когда человѣчество вышло изъ дѣтскаго состоянія, когда явился самый «образъ вещей». Дѣтководитель нуженъ ребенку, а не взрослому; равнымъ образомъ тѣнь предмета излишня при наличности его самого. И мы дѣйствительно видимъ, что Господь Иисусъ Христосъ, хотя Самъ подчинялся закону Моисееву (Лук. 2. 21. 23, 39; 22, 9—16) и былъ подъ закономъ, «да подзаконныя искупить» (Галат. 4, 5), но въ то же время премудро подготовлялъ отмѣну этого закона (Мѣ. 12, 8; Иоанн. 4. 21—23; Лук. 22, 20). Точно также поступали и апостолы, дѣйствуя, по примѣру Господа, съ извѣстною постепенностью, пока, наконецъ, не сдѣлали торжественнаго постановленія о необязательности обрядового закона Моисеева на соборѣ Іерусалимскомъ (Дѣян. 15 и.).

Впрочемъ, «пѣстуномъ во Христа» въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть признанъ не только обрядовой, но и нравственный законъ Моисеевъ. Предъявляя къ человѣку высокія требованія, невыполнимыя фактически при данномъ состояніи его природы, онъ ставилъ его въ постоянное противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью, заставлялъ мучительно чувствовать свое безсиліе и жаждать высшей Божественной помощи. Такое подготовительное значеніе ветхозавѣтнаго закона подробно раскрываетъ ап. Павелъ въ посланіяхъ къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ. «Законъ, говоритъ онъ, привиде, да умножится прегрѣшеніе» (Римл. 5, 20). «Закономъ познаніе грѣха» (Римл. 3, 20). «Безъ закона грѣхъ мертвъ: пришедшей же заповѣди, грѣхъ оживе» (Римл. 7, 8—9). «Законъ гнѣвъ содѣловаетъ» (Римл. 4, 15). Смыслъ всѣхъ этихъ выраженій тотъ, что чрезъ посредство закона человѣкъ яснѣе видитъ свои грѣхи. Онъ является какъ бы зеркаломъ, отображающимъ въ себѣ всѣ недостатки нашей природы. Съ другой стороны, со знавая безконечное величіе закона и его святость, человѣкъ чувствуетъ свою немощность, свое безсиліе осуществить его

безъ высшей помощи. Ветхозавѣтный іудей изнемогалъ подъ ярмомъ закона, и чѣмъ болѣе признавалась имъ его тяжесть, тѣмъ сильнѣе жаждалъ онъ избавителя, который бы далъ ему силы для исполненія предъявляемыхъ къ нему высокихъ требованій.

VII.

Превосходство Евангельскаго нравственнаго закона предъ закономъ ветхозавѣтнымъ.

Законъ евангельскій, какъ мы уже сказали, по существу не отличается и не можетъ отличаться отъ нравственнаго закона ветхозавѣтнаго. Но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть признанъ новымъ сравнительно съ послѣднимъ въ виду тѣхъ глубокихъ основаній, которыя для него были указаны, и той возвышенной мотивировки, которая была ему дана. Частіе превосходство морали евангельской сравнительно съ ветхозавѣтною можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пунктамъ.

1) Въ новозавѣтномъ законѣ глубже и полнѣе раскрыто то, что въ ветхомъ заветѣ дано только въ зародышевой формѣ. Такова заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ. Первенствующее значеніе этой заповѣди не было ясно для сознанія ветхозавѣтнаго человѣка. Любовь понималась имъ преимущественно какъ справедливость (око за око, зубъ за зубъ), но не какъ милосердіе и самоотреченіе. Въ такомъ смыслѣ это сокровеннѣйшее зерно закона впервые раскрылъ Господь Іисусъ Христосъ¹⁾. «Слышасте, яко речено бысть: око за око, зубъ за

¹⁾ Впрочемъ, нельзя думать, чтобы справедливость была противоположна любви. Она составляетъ только ея первую ступень. Тѣмъ болѣе ошибочно было бы полагать, будто ветхозавѣтныя слова: *отдай души за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ* и проч. поощряютъ мстительность. Человѣкъ, охваченный чувствомъ мести, вовсе не способенъ довольствоваться такимъ равномернымъ возмездіемъ. Онъ домогается того, чтобы даже за малую личную обиду иногда отплатить не только самой тяжелой обидой, но даже какой нибудь жестокостью, если есть малѣйшая къ тому возможность. Но если такъ, ветхозавѣтное законодательство, требовавшее равномернаго воздаянія, было не поощреніемъ мстительности, а скорѣе ограниченіемъ ея. Оно шло противъ произвола личностей и ставило ихъ дѣйствія подъ строгій контроль безпристрастнаго закона. Послѣдній же проводилъ то основное положеніе, что наказаніе должно быть соразмѣрно проступкамъ, что слѣдуетъ возвращать на голову виновнаго именно то, что онъ сдѣлалъ другому, но не болѣе. Не принципъ мести, попирающей всякое право, не хотящей знать никакихъ

зубъ. Азъ же глаголю вамъ, не противитися злу: но аще кто ударить тя въ десную твою ланиту, обрати ему и другую. Слышасте, яко речено бысть: возлюбихи искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть» (Мѣ. 5, 38—39, 43—44). И еще: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Іоанн. 15, 13).

2) Въ вѣдомъ завѣтъ любовь была расширена въ своемъ объемѣ. По закону Моисея она простиралась преимущественно на единоплеменниковъ. По ученію Христа, объектомъ ея должны служить всѣ люди, какъ раскрыто это въ притчѣ о милосердномъ Самарянинѣ. Слѣдовательно, мораль христіанская носить болѣе широкій характеръ, нежели мораль ветхозавѣтная.

3) Въ ветхомъ завѣтъ не было указано степени и силы любви, въ новомъ завѣтъ предъявляется требованіе ея безпредѣльности «да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы» (Іоанн. 13, 34), «будите убо вы совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть» (Мѣ. 5, 48).

4) Любовь ветхозавѣтнаго человѣка основывалась на сознаніи родства по крови, основаніемъ любви христіанской служить мысль о томъ, что всѣ люди дѣти одного небснаго Отца, всѣ братія во Христѣ, всѣ искуплены Его безцѣнною кровію.

5) Законъ ветхозавѣтный носилъ преимущественно внѣшній, юридическій характеръ, а потому и былъ выраженъ въ формѣ отрицательной и повелительной, законъ евангельскій требуетъ чистоты внутренняго настроенія, выраженъ въ формѣ совѣтовъ и сливается во едино съ внутренними влеченіями и требованіями человѣка. Это ясно изъ нагорной проповѣди: «Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду. Слышасте яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже возритъ на жену, ко еже возделѣтія, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ»

предѣловъ въ своихъ обнаруженіяхъ, а принципъ справедливости, хотя бы и элементарной, обусловливавшійся средою, къ коей онъ долженъ былъ примѣняться, выдвигается здѣсь и призывается къ урегулированію человѣческихъ отношеній (Проф. А. Ѳ. Гусевъ „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Казань 1902 г. стр. 344).

(Мо. 5,21 и слѣд.). А сводя законъ съ виѣшняго на внутреннее, Христосъ тѣмъ самымъ возвышаетъ его на степень закона сердечнаго расположенія, дѣлаетъ его закономъ духа (Римл. 3,27) и свободы (Галат. 4, 26; 5, 13), вслѣдствіе чего, по выраженію апостола, праведнику, законъ не лежитъ» (1 Тим. 1, 9).

6) Побужденіями къ исполненію закона въ ветхомъ завітѣ служили преимущественно ожиданія наградъ и наказаній въ земной жизни. Господь Іисусъ Христосъ возводитъ нашу мысль отъ благъ земныхъ, временныхъ, къ благамъ нетлѣннымъ и вѣчнымъ, устремляетъ ее къ небу, какъ цѣли нашего существованія, побуждаетъ насъ не заботиться о земныхъ благахъ и выгодахъ, но искать прежде всего «царства Божія и правды его» (Мо. 6, 33). Соотвѣтственно этому для возбужденія къ исполненію своего закона Онъ указываетъ не на послѣдствія нашего поведенія для нашей земной жизни, а на тѣ муки вѣчныя, которымъ подвергнутся грѣшники (Мѡ. 25, 41; Лук. 13,28), на тѣ небесныя награды, которыхъ «око не видѣ, ухо не слыша» (1 Кор. 2, 9) и которыя уготовалъ Господь любящимъ Его (Мо. 19,28; 25, 34), наконецъ, на безконечную и въ высшей степени трогательную любовь Божію къ намъ проявившуюся въ дѣлѣ нашего искупленія (Іоанн. 3, 16. 17; 15, 9. 13—15), а также на свой собственный примѣръ (Іоанн. 12, 15. 17. 27; Мѡ. 11, 29).

7) Наконецъ, только въ новомъ завітѣ даны благодатныя силы къ исполненію нравственнаго закона, тогда какъ ветхозавѣтный законъ лишь приводилъ людей къ сознанію своей немощи, своего безсилія. Исполнивши Самъ законъ, Христосъ и всегда исполняетъ его въ насъ и за насъ, невидимо пребывая въ нашихъ душахъ и сообщая намъ благодать Св. Духа.

Примѣчаніе. На ряду съ заповѣдью о любви къ Богу и ближнему и служащимъ къ ея дальнѣйшему раскрытію десятисловіемъ въ ветхомъ завітѣ извѣстенъ былъ принципъ: «око за око, зубъ за зубъ»,—принципъ, имѣвшій практически даже большее значеніе по сравненію съ первымъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ Богъ могъ противорѣчить Самому Себѣ, одновременно требуя отъ человѣка и безграничной любви и кровавой мести. Неужели въ разные вѣка Ему могло быть угодно не одно и то же, и неужели ветхозавѣтный еврей, непремѣнно требовавшій воздаянія, поступалъ нравственно, нежели прощавшій обиды. На оба эти вопроса мы должны отвѣтить, конечно, отрицательно.

Подлиннымъ выраженіемъ Божественной воли и въ ветхомъ заветѣ служилъ тотъ же законъ любви, который былъ только болѣе раскрытъ и уясненъ Иисусомъ Христомъ. Но законъ этотъ по своей идеальной высотѣ не былъ доступенъ для «жестовыйнаго» народа. Отсюда на ряду съ нимъ должны были существовать такія нормы, которыя были бы болѣе примѣнны къ жизни при данномъ состояніи человѣка. Въ дарованіи такихъ нормъ нѣтъ ничего недостойнаго Бога и противорѣчащаго Его свойствамъ. Представимъ себѣ, что мы въ настоящее время должны бы были воспитывать дикаря съ разнужданною природою, звѣрскими инстинктами, чуждаго благожелательныхъ склонностей. Могли ли бы мы предъявлять къ нему слишкомъ высокія требованія: на примѣръ, требованіе самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ, даже врагамъ, состраданія ко всѣмъ живущимъ, какъ бы далеко они отъ насъ ни отстояли по времени и пространству и т. д. Конечно, нѣтъ. Этихъ требованій дикарь, по грубости своей природы, не могъ бы даже и понять, а тѣмъ болѣе выполнить. По необходимости его воспитаніе мы должны были бы начать съ указанія для него нормъ болѣе легкихъ и выполнимыхъ. Мы потребовали бы отъ него на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ того, чтобы онъ помогалъ ближайшимъ къ нему лицамъ и никому не вредилъ. Въ такомъ же положеніи находился и еврейскій народъ въ своей массѣ. Примѣняясь къ его грубому состоянію («жестокосердію по словамъ Христа»), Моисей, помимо заповѣдей, выражающихъ абсолютную волю Божию, указалъ ему и тѣ ближайшіе принципы, которыми онъ *даже и при данномъ состояніи своей природы* могъ непосредственно руководствоваться въ жизни. Христосъ же прямо указалъ человѣчеству на тѣ *конечные* пункты, къ которымъ должна направляться нравственная жизнь, на тѣ идеалы, къ которымъ всегда долженъ быть устремленъ взоръ Его послѣдователей.

VIII.

Идеальный характеръ евангельскаго закона.

«Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще ты кто ударить въ десную твою ланиту, обрати ему и другую: и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу: и аще кто ты пойметъ по силѣ поприще едино, иди

съ нимъ два. Просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе зяяти не отвори (Мѣ. 5, 39—42). «Будите убо вы совершеннѣ, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мѣ. 5, 48).

Нагорная проповѣдь Іисуса Христа во многихъ вызываетъ недоумѣнія и часто подвергается неправильнымъ толкованіямъ. Левъ Толстой видитъ въ ней положительное воспрещеніе всякаго насилія какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Современные социалисты упрекаютъ христіанство въ томъ, что оно враждебно относится ко всякой борьбѣ за улучшеніе жизни, за созданіе ея совершеннѣйшихъ формъ. Другіе считаютъ Христа утопистомъ, чрезмѣрно увлекшимся въ Своей проповѣди и въ противовѣсъ внѣшне-фарисейскому пониманію закона впадшимъ въ противоположную крайность. Наконецъ, наиболѣе распространенное пониманіе словъ Христа то, что они касаются только личныхъ отношеній людей, но не отношеній общественныхъ и государственныхъ.

Что нагорная проповѣдь Іисуса Христа, какъ и все евангельское ученіе, непосредственнымъ образомъ касается личныхъ, а не общественныхъ отношеній—это несомнѣнно. Но и въ сферѣ первыхъ слова Спасителя о непротивленіи злу едва ли могутъ быть признаваемы въ качествѣ заповѣди, буквально обязательной для людей во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Неужели каждый изъ насъ поступитъ вопреки евангелію, если силою спасетъ покушающагося на самоубійство отъ смерти или избавитъ отъ ножа злодѣя его жертву. Думать такъ—значило бы становиться на точку зрѣнія того отвлеченнаго фарисейскаго формализма, который нерѣдко былъ предметомъ грозныхъ обличеній со стороны Спасителя. Если бы дѣйствительно христіанинъ не могъ перстомъ двинуть для защиты слабыхъ и обиженныхъ, если бы онъ былъ обязанъ оставаться равнодушнымъ празднымъ зрителемъ нарушеній справедливости и гнусныхъ преступленій, тогда христіанство было бы религіей недѣланія, квіетизма и нравственной косности, религіей, не бодрящей человѣка и вдохновляющей его на геройство, а, подобно буддизму, привлекающей въ свои нѣдра лишь безвольныхъ, измученныхъ и дряблыхъ людей. Къ счастью, въ дѣйствительности этого нѣтъ. Тотъ, кто въ порывѣ святого негодованія вервѣемъ изгналъ торгующихъ изъ храма, не могъ требовать отъ людей вялаго бездѣйствія при столкновѣніи лицомъ къ лицу со зломъ жизни, особенно когда жертвою его становятся наши ближніе. Нагорную бесѣду Іисуса

Христа слѣдуетъ понимать не изолировано, а въ связи со всѣмъ Его ученіемъ и въ частности съ ученіемъ о любви. Именно этимъ основнымъ принципомъ христіанской этики мы должны руководствоваться во всѣхъ случаяхъ жизни. Непротивленіе злу насиліемъ обязательно для насъ тогда и въ той мѣрѣ, когда оно требуется благомъ нашимъ ближнихъ; наоборотъ, иногда послѣднее обязываетъ насъ оказать энергичное противодѣйствіе злу. Само собою разумѣется, что при безконечной сложности человѣческой жизни и человѣческихъ отношеній возможны случаи столкновенія любви къ разнымъ лицамъ. Какъ поступить въ данномъ случаѣ—зависитъ уже отъ нашей совѣсти и нашего нравственнаго такта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы должны употребить насиліе, въ нѣкоторыхъ отказаться отъ него. Внутреннее чувство каждому говорить, что позволительно силою вырвать ножъ изъ руки убійцы, спасти и его самого отъ преступленія и жертву отъ смерти; что, наоборотъ, непозволительно путемъ убійства человѣка, покушающагося на чужую собственность, спасти эту послѣднюю. Въ случаѣ, если насъ ударятъ, мы можемъ и подставить другую щеку, и обратиться къ оскорбителю съ увѣщаніемъ, и наконецъ, привлечь его къ судебной отвѣтственности предъ законною властью въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей оскорбителя и оскорбленія. Мы должны въ данномъ случаѣ поступить такъ, чтобы принести наибольшую духовную пользу нашему обидчику. Если мы полагаемъ, что наша кротость заставитъ его одуматься и раскаяться въ своемъ поступкѣ, то должны будемъ, слѣдуя буквальной заповѣди Спасителя, подставить ему другую щеку; если же мы имѣемъ основаніе думать, что въ послѣднемъ случаѣ онъ еще болѣе озлобится, и что его необузданность можетъ быть подавлена лишь энергичнымъ противодѣйствіемъ, то должны будетъ оказать таковое. Словомъ, всегда мы должны поступать такъ, какъ подсказываетъ намъ чувство любви къ ближнимъ и забота объ ихъ благѣ.

Ключъ къ пониманію нагорной проповѣди Спасителя даютъ заключительныя слова пятой главы: «будите убо совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (ст. 48). Итакъ людямъ заповѣдуются безконечное совершенство, которое для нихъ, какъ существъ ограниченныхъ, очевидно, невозможно, особенно въ предѣлахъ и условіяхъ земной жизни. Это, слѣдовательно, не такая заповѣдь, которую сразу можно осуществить въ данный моментъ, а лишь идеаль, освѣщающій путь

жизни, идеаль, къ которому только можно безконечно приближаться, но который недостижимъ въ полный мѣрѣ. Такой же идеальный характеръ имѣетъ и вся нагорная бесѣда Христа. Она намѣчаетъ намъ лишь тѣ безконечно отдаленныя свѣтлыя точки, которыя должны служить путеводными звѣздами нашей нравственной жизни, рисуетъ то свѣтлое царство добра, къ осуществленію котораго мы должны направлять всѣ свои силы. Вы, какъ бы говорить Христосъ, должны стараться о созданіи такого порядка вещей, при которомъ не было бы нужды ни въ какихъ формахъ насилія, ни въ государственныхъ учрежденіяхъ, ни въ клятвахъ. Но пока эгого нѣтъ, пока всѣ люди не прониклись ученіемъ евангельскимъ, поведеніе христіанъ должно опредѣляться духомъ любви и желаніемъ общечеловѣческаго совершенства. А для достиженія послѣдняго *при наличныхъ условіяхъ* могутъ быть признаны цѣлесообразными, а, слѣдовательно, не только позволительными, но и обязательными—даже средства насилія. Являясь чѣмъ-то недолжнымъ съ идеальной точки зрѣнія, они неизбѣжны при данномъ состояніи человѣческой природы, такъ какъ, отрицая ихъ, мы должны бы были допустить большее зло и отдалить осуществленіе идеала общечеловѣческаго совершенства и счастья.

Павель Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки